

На украинском политическом Олимпе смена поколений.

Сегодня на нем обживаются 30- и 40-летние.

Для большинства "бывших", чей возраст, условно, достиг 50–60 лет, это явная неожиданность, — их годами копившиеся знания и связи, опыт государственного управления и аппаратной работы, участие в реальной геополитике и внутренних интригах, осведомленность о биографических деталях партнеров и деловых связях оппонентов, доступ к полуоткрытой статистике и закрытым досье, а также масса иных профессиональных и чисто человеческих активов буквально в одночасье стали незначимыми. Все эти преимущества безо всяких видимых усилий перевесили молодость, кураж и политическая стерильность. Похоже, что обобранному до нитки избирателю эта неискушенность показалась меньшим из всех зол, с которыми ему пришлось столкнуться за неполные 30 лет бесконечных "радикальных структурных реформ". Непричастность к ним вдруг оказалась не признаком дилетантства, а добродетелью, достойной президентской булавы и прочих гетманских клейнодов.

Отцы и дети

В октябре 1990 г. на Майдане произошла "революция на граните". Голодовка студентов привела к отставке председателя Совмина УССР В.Масола, аккурат накануне его 62-летия. В палатках ему противостояли 20-летние борцы за лучшую долю нашей страны. Наиболее активные из них позже стали известными политиками: народными депутатами, министрами, их заместителями, вице-премьерами. Некоторые — по много раз, меняя партии, правительства и министерства. Сегодня их легко заметить не только в парламенте и Кабмине, но и в кресле главного прокурора.

Феномен Майдана повторился в начале нулевых, а затем в 2004–2005 гг. Как и в первый раз, он помог омолодить нашу политическую элиту. В.Ющенко на момент избрания президентом было 50 лет. Его же предшественнику Л.Кучме тогда шел 67-й год.

Следующий Майдан (2013–2014) подтолкнул к бегству четвертого президента Украины. Его сменил младший на полтора десятка лет 48-летний П.Порошенко.

Сегодня мы наблюдаем рождение третьей генерации отечественных лидеров. Новому президенту 41 год. По понятным причинам, В.Зеленский не принадлежит к поколению "радикальных рыночных реформаторов" 1990-х и не имеет отношения к экономической трагедии тех лет. Он не вел страну к кризису 2008–2009 гг. и не отвечает за годы, предшествовавшие кризису 2014–2015. Он не участвовал в "оранжево-бело-голубых" схватках и альянсах, не обещал "услышать каждого" и 1000 грн вкладчикам советского Сбербанка, не гарантировал "пятилетние налоговые каникулы для малого бизнеса" и зарплаты по 1000 евро. Он не собирал людей под лозунгами "Украина для людей" и

"Бандитам — тюрьмы!".

Вместе с тем он годами публично высмеивал тех, кто мерил страну своим банковским счетом или вконец перепутал порядок слов в обете "Не словом, а делом!".

На его выступлениях часто хохотали представители "оранжевых" реформаторов и от души смеялись их "цветные" оппоненты. Но это именно он стер их неподдельные улыбки, заявив на своей президентской инаугурации, что их политическое время ушло. Наиболее остро эту фразу, похоже, восприняли действующие лидеры прежних Майданов. Однако что бы они сами сказали, узнав в 1990, 2004–2005 или 2013–2014 гг., когда вдыхали воздух свободы, что, достигнув политической зрелости, будут преследовать борцов с коррупцией, зубами держаться за свою депутатскую неприкосновенность, отстаивать неподсудность президента, замнут дела о массовых убийствах в центре Киева и гибели людей в Одессе, пальцем не шевельнут для защиты Крыма, прикроют десятки (сотни?) топ-чиновников, подозреваемых в незаконном обогащении?! Что бы они сделали, узнав, что в это же самое время тысячи их соотечественников будут погибать на Востоке страны за ее независимость?

Возможно, свернули бы палатки, так как тогда они еще не были политической бюрократией, спаянной общим финансовым интересом, взаимной порукой и сотнями растоптанных обещаний. Стоит ли тогда удивляться, что им сегодня это советует сделать новое поколение победителей, не запятнанных подобными деталями политического прошлого?

Не все так просто

Безусловно, не все сегодняшние политики — антиподы своей далекой юности. Многие из них не изменили ее принципам. Но создать серьезную политсилу, верную им, они, увы, не сумели. Даже находясь у власти. Возникнет ли таковая уже не под их эгидой? Неизвестно. Хотя последние президентские выборы и показали предельно высокий запрос на нее. Об этом же говорят и текущие "парламентские" замеры, — готовность почти половины избирателей отдать свой голос неизвестно за кого (!), лишь бы тот не врал и не воровал, откровенно поражает. По сути это своеобразный вердикт не только нашей последней пятилетке, но и всем 29 годам "радикальных структурных реформ": больше половины страны (с учетом уехавших) вообще от них уже ничего не ждет. И требует от политиков не заумных теорий и "шоковых терапий", а лишь одного — поменьше лгать и не лезть в чужой карман. Следуя примеру учителя истории из известного сериала о "службе народа".

Тоска по справедливости и законности, которые десятками лет выжигались каленым железом наших "реформ", оказалась столь велика, что первый же актер, удачно воплотивший их в образе президента страны, не напрягаясь положил на лопатки как минимум восемь старожилів отечественной политики, мечтавших об этой должности: пятерых лидеров прежних Майданов и трех их заклятых коллег по цеху. Смеясь, он скопом припечатал остатки двух отечественных мегапартий, устойчиво собиравших 15 последних лет по 80–90% голосов всех избирателей Украины.

Этот успех так впечатляющ, что стиль победителя сегодня пытаются имитировать его маститые оппоненты: срочно снимаются галстуки, "омолаживаются" партийные списки, задвигаются одиозные соратники, рекрутируются популярные исполнители, осваиваются интернет-ресурсы.

Их мгновенная реакция — очередное свидетельство того, что бывалые бойцы умеют подниматься. Тем более когда они по-прежнему полны сил, амбиций и харизмы. И за ними стоит капитал, ежегодно попадающий в рейтинги Forbes. С такими визави необходимо считаться. Не в память о сериале. А потому что от их решений зависят наши инвестиции, рабочие места, валютный рынок, обменный курс и какие-никакие доходы бюджета, так как работают они через офшорное зарубежье, годами укрепляя свои монопольные позиции.

Отношения государства с такими партнерами отражают суть национальной политики и характер местного бизнес-климата. Последние у нас, по всеобщему мнению, пронизаны коррупцией. Об этом мы все неоднократно слышали не только от внешних кредиторов, но и от первых лиц государства. Учитывая специфику момента, а также соответствующую критику шестого президента, было бы вполне уместно наконец узнать, какие, собственно, эпизоды имелись в виду и что в связи с этим предприняли гаранты нашей Конституции.

Страна чудес

Эмоциональный настрой общества сегодня весьма похож на ситуацию 30-летней давности. Люди устали от беспомощных политиков, их бесконечных уверток и тающих перспектив — как у страны, так и у себя лично. Устали настолько, что массово верят в чудо. Тогда верили в "большой рыночный скачок", способный перенести всех разом из экономического кризиса социализма в царство рыночного благополучия. Тем более что авторы того "чуда" обещали совершить его за "500 дней" и вели дискуссии не о сути одноименной программы, а о наборе шагов, которые надо бы было впихнуть в ее сроки. Сложно поверить, но этот кабинетный сюр обрел тогда масштаб всесоюзной паранойи — от зампреда Совмина РСФСР (Г.Явлинский) и уважаемых академиков (С.Шаталин) до новосозданного правительства Российской Федерации (Е.Гайдар). Идеологи того "великого китайского скачка наоборот" были явно вдохновлены шоковой терапией Л.Бальцеровича, которая опиралась на списание Польше половины ее внешнего долга (1991 г.) и последующую реструктуризацию долга западным банкам (1992 г.).

В 1992 г. G-7 и МВФ сулили под шоковые идеи команды Е.Гайдара 24 млрд долл. и еще 20 млрд — всем другим союзным республикам. Общий объем их финансовых обещаний тогда достиг 100 млрд долл. Для России в 1993 г. речь уже шла о новом финансовом пакете в 28 млрд. Но из всего обещанного, по свидетельству Дж. Сакса, она получила к концу 1993-го всего 4 млрд долл. К Украине же первые деньги Фонда поступили вообще в 1995 г., и то лишь после ее отказа от третьего в мире ядерного потенциала и подписания Будапештского меморандума (1994 г.). Причем из 1,6 млрд долл. своей первой программы Stand-by она получила от МВФ чуть больше половины этой суммы.

Когда в 1990 г. вершилась "революция на граните", и был отправлен в отставку В.Масол, об этом никто ничего, конечно, не знал. Как и о том, что именно требуется для успешного перехода к рынку. МВФ на этот счет также не имел ни малейшего представления: такая задача вообще никогда не входила в круг его полномочий. Между тем он оказался одним из тех ключевых участников, которые активно насаждали вульгарное представление о том, что рынок уже сам по себе является чудом, автоматически расставляющим все по местам наилучшим для всех образом. Главное, чтобы ему не мешало государство, которого поэтому должно быть как можно меньше.

Подобные идеи, помноженные на наше собственное невежество вкупе с отсутствием внешней поддержки, оказались роковыми. Украина до сих пор не может вернуться к объемам производства 1990 г., когда на Майдане впервые появились палатки. Наш сегодняшний ВВП меньше показателей того года на 36%. В фиксированных долларовых ценах 2010 г. отечественный ВВП снизился за это время с 205,6 млрд долл. до 127,3 млрд (2017 г.). Причем за все годы "реформ" он до исходного уровня так никогда и не поднимался.

Мало кто поверит, но в 1990-м ВВП Китая в тех же долларовых ценах составлял 829,6 млрд долл., превышая украинский всего в четыре раза. При том, что численность его рабочей силы была больше отечественной в 26 раз. Наша производительность, таким образом, превышала китайскую в 6,5 раза. Сегодня она меньше китайской вдвое.

Что касается текущих долларовых цен, то ВВП Украины на душу населения в 1990 г. был больше китайского почти впятеро (!), а в 2018-м проигрывал ему уже втрое. Вообще по этому показателю, считающемуся своеобразным индикатором национального благосостояния, мы умудрились скатиться не только до статуса беднейших в Европе. В классификации Всемирного банка Украина опустилась из топ-подгруппы стран со средними доходами в нижнюю подгруппу. Еще одно такое движение, и мы окажемся в экономической компании самых нищих стран мира. На таком фоне в закулисье Европы наше государство так, увы, и называют — failed, хотя никто не отказывает ему в рыночном статусе.

Семь раз отмерь

Не углубляясь в дальнейшие детали всех этих "достижений", сложно ожидать особой благодарности нового поколения за то, что именно умудрились совершить его предшественники-реформаторы с доставшейся им в наследство экономикой. Только уже поэтому большинству мэтров отечественной политики следовало бы аккуратнее взвешивать слова своей критики в адрес молодежи, которая с присущим ее возрасту задором отправляет их всех на заслуженный покой.

Однако и самой молодежи при этом не стоит забывать, что в политику она пришла на волне массового ожидания чуда, веру в которое умышленно насаждала, годами накручивая незамысловатый сериал о нравственных принципах и человеческих достоинствах неискушенного ровесника нашего нового президента.

Пока еще неясно, чего было больше в этой телевизионной кампании — точно выверенной игры на эмоциях отчаявшихся сограждан или креативной саморекламы подросшего поколения. Но каким бы ни был ответ на этот вопрос, уже сейчас можно сказать, что та кампания по самой своей сути резко контрастировала с палаточным протестом советских студентов: в ней не было ни их личного риска, ни эмоциональной стихии, ни очевидной наивности. По той простой причине, что все эти атрибуты просто не укладываются в коммерческую режиссуру телевизионных проектов. При том, что и коммерческая-то цель там могла быть далеко не главной. Но если таки окажется, что речь все же шла о политических достоинствах нового поколения, а не о ловкой предвыборной манипуляции, к которой его подталкивал богатейший опыт более искушенных коллег, сегодняшние триумфаторы тем более не имеют права на повторение чужих ошибок. Не только потому, что так делают умные люди, но также из-за того самого сериала, наглядно показавшего всей стране истинную подоплеку подобных "просчетов".

Либертарианство? А кто его видел в реальной жизни?!

В этом отношении желание новой власти начать реформы с правоохранительной системы вполне логично. Не сделав этого, нельзя рассчитывать ни на базовые функции государства, ни на нормальную экономику. Ведь наши жалкие инвестиции (17% ВВП) почти на треть меньше среднемировых (23%) не из-за отсутствия средств, идей или потенциальных площадок. Бизнес просто-напросто не верит государству, полиции, прокурорам и судам. Поэтому и вкладывает свои деньги не в емкие индустриальные проекты, а в малорисковую коммерцию и спекуляции: торговлю, гособлигации, сертификаты НБУ, перепродажу недвижимости.

Однако если отечественный закон и восторжествует, мы ничего не знаем о том, в какую сторону будет направлен его вектор, поскольку комментарии новой команды на этот счет крайне туманны. В лучшем случае. А в худшем — не отличаются от ставшей уже банальной риторики. На слуху, как и 30 лет назад, все та же избитая триада: "приватизация—дерегуляция—либерализация". Ни слова о производственных технологиях, промышленной политике, инвестиционном партнерстве государства и бизнеса, кредитовании экспорта, его страховании, экспортных гарантиях, функциях госбанков, кредитах сезонных и несезонных, их цене, инфраструктурной поддержке фермерства, ценообразовании естественных монополий, лесе-кругляке, наших квотных и тарифных ограничениях в ЕС, новых рынках сбыта, бюджетном правиле и т.д. и т.п.

Упомянутые представителем президента либеральная модель и, тем более, либертарианство не дают ответа ни на один из этих вопросов. Вернее, их ответ звучит так же, как и в 1990-х: "Пусть все идет, как идет. Рынку виднее. Главное — не вмешиваться".

А в мире тем временем всю грохочут торговые войны, в которых страны-участницы прямой наводкой бьют по бизнесу своих конкурентов и случайных государств, включая Украину. МВФ не перестает твердить, что это замедляет мировую экономику. Глобальные регуляторы закручивают гайки банкам и финансовым корпорациям.

Великобритания и ЕС три года торгуются и никак не сторгуются по цене своего развода. ЕЦБ, Банк Англии и Банк Японии не думают возвращаться к традиционной монетарной политике, дабы не навредить экономическому росту. Китай не по дням, а по часам наращивает шелковую глобализацию "с китайской спецификой". За его государственными инвестициями, кредитами и валютными свопами стоят очереди не только в третьем мире, но и в ЕС. Видя это, страны европейского ядра призывают немедленно остановить китайскую экспансию. Россия, Германия, Франция и Нидерланды прокладывают "северные потоки". Балканские страны борются за право протянуть к себе ветку потока "Турецкого".

А периферийная Украина в это время рассуждает о либертарианстве... Да кто его, где и когда видел в реальной жизни?! Ведь даже рафинированные офшоры, подобные Швейцарии и Лихтенштейну, делают все возможное, чтобы предельно усложнить получение своего гражданства.

После 2008–2009 гг. не то что о либертарианстве, даже о неолиберальной доктрине вспоминать уже как-то неловко, так как именно ее теоретическая конструкция подтолкнула мир к глобальному кризису, а после его начала оказалась абсолютно бесполезной при достижении финансовой и экономической стабилизации. Не говоря уж о возобновлении устойчивого роста. В силу этих экономических и политических реалий уже не первый год говорят о новой нормальности. Поскольку прежний — неолиберальный концепт — стал неактуальным даже для своих идеологов, банально выпав из глобальной повестки дня.

При этом ее наброски появились не вчера и не сегодня. Тот же Китай демонстрировал их десятки лет назад, в то самое время, когда мы вздохнув увлекались шоковыми экспериментами. Но, в отличие от нас, он не следовал их постулатам: признал государство не врагом, а субъектом рынка; рассмотрел в нем не цель, а инструмент развития; занялся не массовой бесплатной приватизацией, а созданием конкуренции; открылся внешнему миру без шоковой либерализации; проводит дерегуляцию не ради ее сроков, а ради собственных конкурентных преимуществ; внимает не зарубежным советам, а национальным интересам; полагается не на внешние кредиты, а на собственные силы; привлекает не иностранные инвестиции, а лучшие технологии; ставит не на свои вчерашние преимущества, а на промышленные инновации; стимулирует не движение капитала, а его приток в свою экономику; заботится не о торговой открытости, а о связанных с ней выгодах; оценивает реформы не по их скорости, а по росту благосостояния собственных граждан; достигает этого роста не в мечтах — через 5–10 лет, а ежегодно.

Нам неизвестны трудности, с которыми Китай неизбежно столкнется в будущем. Но мы точно знаем проблемы, которых он уже избежал, и успехи, которых он достиг, следуя этим неортодоксальным правилам. Они-то сегодня и являются неотъемлемой частью новой нормальности реального мира.

Что касается либеральных реформ наших соседей из Центральной и Восточной Европы, то ими, как оказывается, двигала не меньшая доля государственного

прагматизма. Дело в том, что за эти реформы бывшие соцстраны получили неплохую мзду в виде членства в ЕС, взвалившего их на свои бюджетные плечи. Размер ежегодных плановых вливаний в экономики новых членов ЕС из его структурных и инвестиционных фондов составляет в среднем 2–3% ВВП страны-реципиента, превышая, как правило, темпы ее экономического роста. В 2007–2013 гг. это превышение составляло в Болгарии 0,5% ВВП, Литве — 1,1, Словении и Чехии — по 1,5, Эстонии — 2,4, Латвии — 2,9% и 3,9% ВВП — в Венгрии. Так что убери это бесплатно-безвозмездное финансирование ЕС, и указанные страны окажутся на краю рецессии.

Показать рост в таких условиях смогли бы, видимо, только Польша и Словакия. Однако и у них бы он оказался на уровне скромнейших 1–2%. Недаром осенью 2016 г. на цитаты разошлось признание президента Латвии о том, что любые задержки с освоением фондов ЕС мгновенно замедляют динамику национального ВВП.

Неолиберализм? Либертарианство? Да боже упаси! Куда ни глянь, кругом сухой национальный прагматизм и голый государственный расчет, встроенные в жесткую иерархию глобальных интересов. Где каждой стране отведено соответствующее место, сообразно ее экономическим способностям и военным возможностям. И где об этом месте могут в любой момент напомнить с верхних этажей этой мир-системной пирамиды.

Не удивительно, что в подобном окружении приходится уповать не на либертарианские опусы о всеобщей свободе, а исключительно на собственную смекалку, силу и выносливость. А как иначе? Ведь это и есть реальный мир международной конкуренции. Где нет вечных врагов и друзей, а есть лишь вечные интересы. И где любой победитель всегда только сам за себя.

После Крыма и Донбасса снова слышать о либеральных моделях, мягко говоря, дискомфортно. Особенно в стране, которая прекрасно освоила офшорный бизнес, но не может ни слезть с долговой иглы, ни вернуть себе собственных границ.